

СУХАЯ С

ОСЛЕПНУТЬ, ЧТОБЫ ПРОЗРЕТЬ

28

ТРУД
Г. Москва
29 МАЙ 1993

— Это был каторжный труд. Смотрел больных с восьми утра до девяти вечера. Работал один, без помощников, с югославскими врачами не общался. Привез туда доклад о наших новых методиках, сто слайдов к нему, обратился в местное офтальмологическое общество, но мне даже не ответили. Ну и ладно. Зато десятки больных принял, страшных больных. Слепой человек — это вообще страшно. А тут совсем молодые люди, которые внезапно остались без глаз. Чаще всего — после разрыва гранаты. Кажется, нигде я не встречал столько безнадежных пациентов. Не поверите — в окно хотелось выпрыгнуть от отчаяния...

Профессор Линник недавно вернулся из Югославии. Его позвали туда не врачи — журналисты. Есть в городе Новый Сад журнал «Эликсир» — что-то вроде нашего «Здоровья». Его сотрудники несколько лет назад побывали в МНТК «Микрохирургии глаза» на симпозиуме. Загорелись тем, что увидели и услышали в центре Святослава Федорова. И стали играть роль проводника, связующей нити между нашими докторами и югославскими больными. Не один год приезжали к нам на лечение группы пациентов из Югославии.

Однажды Леонид Феодосьевич Линник полшутка сказал кому-то из сотрудников «Эликсира»: «Пригласите — приеду!» И эта полшутка очень скоро обернулась более чем серьезной поездкой в оастерзаннучу страну.

Профессор Линник столкнулся с трагической реальностью здешней жизни сразу — приняв первого же пациента, потерявшего глаза при взрыве гранаты. «Лег-

ких» больных не было вообще: журнал долго и тщательно готовился к приезду русского доктора — составили целую картотеку пациентов, из них отобрали и вызвали на прием самых безнадежных, кому на месте помочь точно невозможно. Профессор принимал их тут же, в редакции: выделили для этого две комнаты, самую необходимую аппаратуру он привез с собой. И пошел бесконечный поток больных, съехавшихся из разных городов. После осмотра профессор должен был решить, кому из пациентов имеет смысл приехать в Россию на лечение. Решение принимал в одиночку — советоваться не с кем.

Суть в том, что в МНТК «Микрохирургии глаза» сегодня действительно способны помочь больному, которому, скорее всего, не поможет больше нигде. В институте, например, разработаны новые нестандартные методы лечения одного из самых ранее безнадежных глазных заболеваний — атрофии зрительного нерва. Что это такое? От глазного яблока по зрительному нерву, как по кабелю, идет вся информация в мозг. Этот нерв тонкий — всего полтора миллиметра толщиной. Под воздействием травмы, инфекции или сосудистого нарушения «жилочки» кабеля могут погибнуть, он превращается в бесполезный шнурок — и тогда ничто уже не поможет. Но если хотя бы часть волокон сохранили жизнь, помочь можно. Каждое из них отделено от остальных тонкой оболочкой — «изоляцией». Если она нарушена, происходит «короткое замыкание».

И вот возникла идея воздействовать на эти волокна пере-

менным магнитным полем. В эксперименте было доказано, что у части волокон в результате восстанавливается «изоляция». Некоторые волокна, которые находились как бы в состоянии «обморока», «спячки», оживают и начинают функционировать. Улучшается кровоснабжение. В результате у человека появляется остаточное зрение.

Параллельно разрабатывалась другая методика — воздействие на зрительный нерв электрическим током. В офтальмологии она до недавнего времени не применялась. В целом же вся история работ с поврежденным зрительным нервом — мрачная, малорезультативная. А потому так дороги удачи в этой области. В институте уже пролечили по новым методикам более пяти тысяч человек. И примерно в 60—70 процентах случаев удалось достичь хотя бы некоторого улучшения зрения.

Впервые в мировой практике здесь разработали специальное устройство — мини-индукционную катушку. Это устройство величиной с таблетку пришивается прямо на глазное яблоко. И уже на него наводится ток. Тогда можно повторять курсы электростимуляции сколько угодно раз, без повторных хирургических операций. В институте создана целая система интенсивной терапии, то есть активного восстановления глаза.

— Представьте: вводят под руку парня в темных очках. Он их снимает — а там не только глаз нет, но и пол-лица разрушено. Страшно. — говорит Леонид Феодосьевич. — Понимаете, ни один человек в Югославии не сказал мне, что противоборству-

ющие стороны могут о чем-то договориться. Все убеждены, что единственный путь — война до полного истребления противника. Но ведь те, кого я осматривал в небольшой редакционной комнате, бесконечно далеки от фанатизма или агрессивности. Они просто несчастны. Они мучительно долго выспрашивают, нельзя ли хоть чем-то помочь их слепоте, пусть не сейчас, но, может быть, потом. Политика для них кончилась — осталось страдание. И просто невозможно поверить, что кто-то из них был полон воинственности, рвался в бой, кого-то ненавидел, выкрикивал лозунги или проклятия. Ни одного такого не видел! На них другая печаль — печаль невыразимой муки. Общаться с ними тяжело. Но, может, и мне это где-то зачтется. Ведь эта работа божеская, правильно?

Природа мудра — она создала в человеке некий механизм забвения физической боли. Женщина, к примеру, обычно не помнит родовых мучений — иначе она никогда не согласилась бы рожать снова. Но, увы, природа, вероятно, просто не предвидела масштабов человеческого безумия, не учла, что люди породят войну. Иначе, мне кажется, она заставила бы человека всегда помнить испытанную однажды боль. И, может быть, тогда хотя бы из страха перед новой болью — своей и чужой — человек поостерегся бы ударить, выстрелить, бросить гранату в себе подобного. Но неужели ничто другое не способно заставить людей опомниться?! Неужели надо непременно ослепнуть, чтобы прозреть?!

Светлана СУХАЯ